

Елена Антипова

БАШНЯ

Двенадцать лет исполнилось Пете, и в этот год начал он замечать, как глубоко различны между собой люди. Раньше ему представлялось, что в гимназии все одинаковы, словно слеплены по одной форме: добрые и улыбаются. Но вот он перешёл в третий класс и вдруг отметил, что некоторые поглядывают на него искоса, с подозрением. Он подошёл к мальчику, с которым приятельствовал прежде, но тот со злобой оттолкнул Петю и быстро отошёл. «Станный какой, — подумал Петя, растерянно глядя ему вслед, — На что он мог обидеться за лето?».

Затем гимназию закрыли и даже забили досками дверь. В городке повисла нехорошая тишина. Петя почувствовал, что вокруг будто зажгли спичку и ждут. И вот тёплой сентябрьской ночью загорелся их дом. Начались аресты и грабежи — такие же, как и в других поволжских городках осенью восемнадцатого года.

Мама, отец и старший брат недвижно лежали перед домом. Тонкая струйка крови стекала у отца по виску. Богородица с иконы, висевшей над воротами, внимательно смотрела на всех с высоты. Один из отцовых приказчиков вытащил из горящего дома очумевшего от дыма Петю и годовалую сестру Сашеньку. Он положил задохнувшихся ребят здесь же и вновь нырнул в пламя пожара за бабушкой. Несколько человек из толпы, утомлённые грабежом, отдыхали, глядя, как занимается огнём крыша. Некоторые посмотрели в Петину сторону и зашушукались. Одна из женщин подошла и вытащила из-под сестры шерстяное одеяльце, на которое её положил спасавший. Затем люди потеряли к ним интерес.

От большой купеческой семьи осталось трое. Петя, в перепачканном гарью гимназическом мундирчике, с трудом нёс на руках сестру. Та, со скорбно закрытыми глазками, затихла и казалась неживой. Рядом, тяжело передвигая опухшими ногами, переваливалась бабушка. Перед ними маячил широкой спиной мужик с топором в руке. За шуршащей стеной камыша дышала Волга. Сзади хрустели ветки. Слышался топот множества ног. Пете было нестерпимо страшно, но даже в странном этом оцепенении он всё понимал. Шедший впереди мужик слегка подтолкнул Петю прямо в воду и схватил за рукав салопы бабушку.

— Пришли, Маревна. Вон в камышах плоскодонка стоит. Мальцов береги, — шепнул торопливо мужик, — Всё, прощай. Ты меня воспитала, пора долг отдавать.

И он грузно затопал навстречу толпе.

Петя с трудом разглядел в камышах узкий просвет и лодку. Он положил сестру на треугольное носовое сиденье и заполз сам. Бабушка с трудом перевалилась на плоское дно. Она стукнулась седой головой о сиденье и никак не могла подняться. Шум приблизился. Сзади слышались крики большой толпы, с жадным гиканьем и матами добывающей одного.

— Бабка, видать, успела золото прихватить, — послышалось с берега. — Тут они, ищите.

Наконец бабушка села, но теперь никак не могла направить трясущимися руками вёсла в уключины.

— Лодка у него была.

Совсем близко за спиной у Пети заплескалось. Старуха всё же как-то пристроилась и стала спешно черпать вёслами темноту. Лодка медленно отошла от берега. Сил у бабушки было мало, да она и не пыталась бороться с течением. Петя застыл, сердце ухало о рёбра.

Беглецы были уже метрах в трёхстах от берега, когда Петя набрался смелости и повернул голову назад. Лодку снесло. Напротив, как на ладони, пылал городок. Над береговой улицей стояло зарево: горел их дом и несколько зданий рядом. Искры живыми пчёлами неслись над Волгой и, падая в воду, жужжали. Густое чёрное пятно мужиков и баб металось от одного дома к другому. Где-то загоралось новое, где-то вёдрами тушили загоревшееся.

Семидесятилетняя старуха гребла, шепча слова молитвы. Петя вновь вспомнил каменный забор, широкие ворота в обрамлении двух колонн и полукруглой аркой. Там в уютной нише под аркой ворот, не уберегла дом Корсаковых икона Богородицы с младенцем Иисусом на руках. Теперь младенец был на руках у Пети. «Что же ты не защитила, а просто смотрела, как другие в толпе?» — думал он, утирая грязной рукой слёзы.

Раннее утро на реке скрывал туман. Бабушка выбилась из сил. Она сидела в полусне, сторбившись и опустив руки. Течение бережно несло лодку. Впереди показался остов полузатопленной баржи: из-под воды доносилось глухое пение. Лодка сама шла в молочном тумане на звуки песни. «Боже, царя храни», — разобрал слова Петя. Мимо проплыла ещё одна затонувшая баржа, там пели интернационал. Петя застыл. Его манила гладкая, штилевая вода, в глубине которой плыли флаги и трупы солдат, глядящих на него пустыми глазами. Он вздрогнул и очнулся. В ушах глухо звенели песни...

Саратов Петя запомнил плохо. Город, насупившись, сурово косился на приезжих. Было холодно и мокро. На несколько дней их приняли родственники. Особой радости дальняя саратовская родня не выказывала. Ночевать их положили на полу у сундука, где спала прислуга.

У Пети никак не получалось заплакать. Ночью он лежал и смотрел вверх, перед глазами кружили бойкие искры-пчёлы.

— Уходите, Христа ради, — просто сказала им на третий день Петина двоюродная тётка. — Одежду дадим, хлеба немного. Боюсь, пожгут нас.

Утром бабушка протянула Пете дедовы золотые часы-луковку и прошептала:

— Береги, пригодятся. Нам, Петя, сейчас не нужно думать, не время. Потом помянем. В Петроград поедем, к младшей моей дочке, Лидии. Помнишь её?

Разглядывая фигурные стрелочки на дедовых часах, Петя отрицательно покачал головой.

1.

Уже третьи сутки поезд стоял на маленькой станции, и когда состав двинется дальше, было известно лишь богу. Поезд безнадёжно отставал от расписания на две недели. Все они, около сотни пассажиров, набившихся в старый, с разбитыми стёклами состав, боялись отстать от поезда: это означало навсегда потерять родных. В маленьком закуте, который сидевший рядом с ними старик назвал «купе», лежали, свешивались с верхних полок оборванные, голодные, как он и бабушка, люди. Утомлённые долгим ожиданием, пассажиры делились новостями. Старик с увлечением рассказывал:

— Говорят, белые Симбирск взяли. Офицеры согнали всех пленных солдатиков на баржу, да и затопили, прямо посреди Волги.

— Да нет, Симбирск наш, это на Хвалынск белые прорвались, — возражали сверху.

Петя смотрел в окно, совсем не хотелось есть. Только в глубине живота мешало думать обо всём, кроме еды, когтистое голодное существо. И хорошо было ему так сидеть, слушать разное, прижиматься, пригревшись, к боку бабушки, но хныкала Сашенька. Она хотела кушать. Бабушка поднялась и стала осторожно переступать между лежащими людьми к выходу.

— Баба, не надо, не уходи! — вяло заныл Петя.

— Я быстро, Петечка, не потеряюсь.

Какой-то парнишка из соседнего купе, может, года на три старше самого Пети, подмигнул ему и придвинулся на бабушкино место.

— Сыграем? — парень показал карты.

Петя отвернулся. Когда через минуту, не выдержав, он посмотрел на парнишку, тот показывал ему из-под полы настоящий пожарный штык-нож.

— Ого! Германский! — у Пети загорелись глаза.

— Парадный! — парень придвинулся ближе.

Петя покосился на спящую Сашеньку и кивнул.

Бабушка всё не возвращалась. Через пару часов парень выиграл у Пети и гимназическую куртку, и штаны, и дедовы часы с фигурными стрелочками.

— Двадцать одно!

Петя протянул везунчику фуражку.

— Ну, всё, больше у тебя ничего нет. Бери, я не жадный, — парень сбросил Пете свою одежду.

Он натянул гимназическую форму и исчез.

Старуха вернулась к вечеру, вновь протиснулась меж лежащими телами. Она посмотрела на оборванный костюм внука, его виноватый вид и

печально вздохнула. Петя придвинулся, с надеждой вглядываясь в бабушкино лицо. «Принесла ли?» — спрашивали его потускневшие от голода глаза. Бабушка незаметно вложила в Петину ладонь ноздреватый мякиш. Но мужик, что лежал рядом, вдруг приподнялся и выхватил хлеб. Он съел Петин кусок и кинулся на бабу, шаря руками по её безразмерному салопу, нашёл ещё краюху. Съел и её. Отвернувшись, мужик лёг рядом и затих. В вагоне стояла полная тишина. Люди делали вид, что ничего не произошло.

Всю ночь мужик громко стонал, а к утру помер. «Нельзя сразу много есть после голодовки, — перекрестила покойника бабушка. — Фунт хлеба был. На серёжки выменяла, что Пантюша на свадьбу дарил».

2.

Днём поезд вдруг дёрнулся и поплыл. Мимо станции, полей, ржавых осинников, костлявых облетевших берёзок. Скоро состав встал на маленькой станции. «В Ртищево белые», — шептались люди. Бабушка вновь ушла и вернулась поздно вечером, осунувшаяся, грустная. В вагоне шумели, как мыши, разговорами.

— Везде беспокойно. Этот чёрт, атаман Краснов, прёт на Царицын. А белочехи Казань взяли.

— Да нет, в Свияжске-то новая власть, рабоче-крестьянская. Говорят, Иуде памятник поставили.

— Кому?

— Иуде, самому главному, — шуршали справа. — По всему видать, конец скоро. Последняя осень пришла.

Бабушка, прислонившись к грязной стене купе, распустила платок, поправила седые волосы:

— Ничего. Осень, зима, а там и весна придёт.

И, собрав силы, она улыбнулась Пете.

Ночная стужа, октябрьская, ранняя, проникла в самое нутро вагона. «Неужели мы живём для зла? Нет, не может быть. Люди созданы для счастья», — размышлял Петя, вглядываясь в мутное окно. В густой темноте вспыхивали и гасли искры: это курили солдаты из стоящего на соседнем пути состава. В вагоне складно сопели спящие, и Пете казалось: людские сущности, как соты общей души, сливаются сейчас в единое существо, освобождаясь от злобы. «В такие часы, — фантазировал Петя, — воздвигается башня счастья, про которую мне в детстве рассказывала бабушка. Её строят люди, но днём сами рушат, оттого и строится башня так медленно».

Бабушка тихонько толкнула замечтавшегося внука и вложила в руку кусок чёрствой горбушки. Он с жадностью откусил и стал жевать. Женщина с младенцем на руках заворожённо смотрела на него, не в силах отвести взгляд, и Петя поперхнулся.

— Берите, — прошептал он, разламывая хлеб пополам.

Утро встало румяное, прозрачное и злое. Бабушка дала Пете жестяной котелок:

— Сходи, Петруша, до колонки, и сразу назад. Да за поездом смотри.

— А чего смотреть, мы тут надолго. Ещё, гляди, белые налетят, — старик протянул Пете закопчённый чайник, — И мне принеси, малец.

Со всех сторон к Пете потянулись кружки и котелки. Гремя общественной посудой, Петя высыпался из вагона. Колонка с водой стояла рядом, на запасных путях, где прятался их поезд. Возле неё собрались пассажиры, курили солдаты с застрявшего на станции эшелона. Слышались гармоника, ругань и смех.

Эх яблочко, укутилося,
Да на части Россея развалилася...
Тама белые, тута красные,
Обстановочка в стране, эх, опасная...

Петя добежал до колонки и быстро набрал воды. Радуюсь, что выполнил задание, он вскарабкался по откидной железной лестничке в тамбур, к сидящим людям.

— Подымай руки! — услышал он приказ с другой стороны вагона.

Петя выглянул из тамбура и замер: прямо напротив него вжался в щербатую стену вагона парень в Петиной гимназической форме. Бледное лицо заледенело от смертного ожидания. Трое солдат нацелили в него винтовки.

— Юнкер! Вон куртка военная, и пуговицы блестят, — спорили солдаты, — Вынюхивает тут.

— Да нет, гимназёр.

— А чем они лучше? Кровь у всех красная.

— Не я... не моё, — тихо подвывал парень.

— Ишь ты, какой вёрткий! Не юли, отбегался.

Петя замер: «Сейчас его убьют. Я должен сказать им, это ошибка». Солдаты прицелились. Петя зажмурился и сквозь страх закричал:

— Не надо, не надо, это моя куртка!

Он неловко поскользнулся и покатился с лестнички под ноги солдатам, прямо в раздавшиеся выстрелы. Котелки гремели жестью, расплёскивая воду. Затем стало тихо.

— Утёк! — слышался над ним голос. Петя, лёжа на земле, поднял глаза. В вагонной стене зияли свежие пулевые отверстия. Парня не было.

— Ах ты вша, тварь зловредная! — вернул Петю к действительности пинок под рёбра. Сверху щёлкнули затворами. Липкий холодный пот побежал по Петиному тощему загривку. Но выстрелов не было. Глотая ужас, под тычки, затрещины и брань он бросился в вагон.

3.

Вдали разнеслось сухое потрескивание. Затем, почти сразу, у колонки застрекотал пулемёт. Редкие трассирующие светляки носились над станцией. Военный эшелон дёрнулся раз, другой. К нему бежали, падая под пулями,

солдаты. Колёса вагонов стали медленно вращаться, толкая и перемалывая человеческие тела, упавшие на рельсы. Петя закрыл глаза и на минуту отвернулся от окна. Тронулся и пассажирский поезд. Мимо разбитых окон проплывали огороды — дым выстрелов, пустые баштаны, пятна рыжих яблонь. На взгорке лежал раздувшийся труп лошади, рядом, высоко вскидывая тонкие ноги, бегал жеребёнок...

— Эх, подешевели люди, на цену пули, — вздохнул старик.

«А вдруг человечество никогда не станет счастливым? — от этой мысли Петя похолодел, — Всё это будет повторяться снова и снова? Может быть, люди строят не башню, а колесо?»

— Зачем они, бабушка?

— Не смотри туда, — бабушка притянула внука к груди, и Петя уткнулся в её родной домашний запах. — Всё пройдёт. Бог управит.

Ночь дышала ненавистью и порохом. Петя смотрел в разбитое окно и видел далёкие бесцветные звёзды. «Ко-ле-со, ко-ле-со», — стучало снизу.

4.

Только 25 октября 1918 года, ровно на годовщину революции, они добрались до Петрограда. Сестрёнка была бледна и даже прозрачна, да и бабка сильно исхудала, но в глазах её плескалась надежда. Город встретил их кумачом, дождём и ветром. Деревья обнажили сухие кости ветвей. Вылезая из переполненного вагона, старуха облегчённо перекрестилась.

— Ну, Петечка, слава богу, добрались мы, теперь полегше будет.

На выходе с перрона Петю толкнул парень в знакомой гимназической форме.

— Не зевай тут, карманы береги, — подмигнул он и тут же исчез в толпе.

Люди вокруг суетились, спешили. На площади у Николаевского вокзала собрался митинг. Кто-то высокий и резкий рычал в толпу:

Довольно грошовых истин.

Из сердца старое вытри.

Улицы — наши кисти.

Площади — наши палитры.

Книгой времени

тысячелистой

революции дни не воспеты.

На улицы, футуристы,

барабанщики и поэты!

Голос звучал как рупор, мощно разбрасывая слова. Петя замер, и бабушка подтолкнула внука в спину.

Они пошли по Лиговскому проспекту. Петроград пустыми окнами вглядывался в приезжих. Это был роковой для города год, когда население убегало из холодного хаоса. Петя нёс Сашеньку, её глаза были закрыты, а он думал только о том, какая она тяжёлая. «У меня больше нет сил тащить её. Наверное, я теперь глава семьи, а я совсем не помогаю бабушке. Мне должно быть стыдно, но мне всё равно», — теснились в его голове унылые мысли.

Прошёл отряд матросов.

— Бах! — ударилось о мостовую эхо дальнего выстрела. Где-то рядом взвизгнула женщина. Город хотел напугать Петю: он налетал порывами ветра, подглядывал из подворотен, заползал дрожью под худые одёжки. На мёрзлых улицах горели редкие фонари, тускло светили окна. Первую ночь они провели на улице, не в силах отыскать нужный адрес. Утром голодные и замёрзшие, они нашли нужную улицу и дом и узнали, что Лидия переехала, не оставив адреса.

Потеряв последнюю надежду, погорельцы без сил присели на скамейку Александровского парка. Петя вновь вспомнил Богородицу. «Чего же ты не помогла ни маме с отцом, ни нам? — думал он, — Просто ты не можешь». Людей в парке не было.

— По вере нашей да будет нам, — бабушка, не поднимая глаз, встала на колени.

Её сморщенная ладонь дрожала, как лист. Какая-то спешащая мимо женщина бросила ей красненькую «керенку» и побежала дальше. Петя замёрз до дрожи. Он сунул озябшие руки поглубже в карманы, за самую подкладку и нащупал что-то округлое. Уже угадывая тяжесть дедовых часов, Петя вытащил руку. Золотые блики заиграли на солнце.

Далеко ушедшая женщина вдруг повернулась и бросилась назад. Она опустилась в пожухлые листья и прижалась к бабушке.

— Мама, ты ли? Петя...

— Лида, — бабушка, потеряв вдруг силы, пыталась обнять младшую дочь.

Напротив парка белой башней высилось здание Ортопедического института.¹ Голубые глаза Богородицы с майоликового панно на его фасаде ласково взглянули на Петю.

¹ Санкт-Петербург, фасад церкви Ортопедического института в Александровском парке, майоликовая икона Богоматери с младенцем по эскизу К. С. Петрова-Водкина. Дата создания: 1903-1904 гг.